

М.С. Чудакова

Проблемы становления региональных органов госбезопасности России (1917–1922 гг.)

Временная чрезвычайная комиссия (ВЧК), являясь центральным органом по борьбе с контрреволюцией и саботажем, не могла в должной мере влиять на ситуацию в регионах. Поэтому было принято решение о «необходимости созыва Всероссийской конференции по вопросам создания боевых органов при всех губернских и областных Совдепах по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией» [1, л. 13]. Документ констатировал тяжелое внутреннее положение Советского государства: «Контрреволюционеры, спекулянты, жулики разного рода, пробравшиеся в советские учреждения, за последнее время действуют самым беспощадным и наглым образом, что при обостренном продовольственном кризисе, хозяйственной и железнодорожной разрухе, с одной стороны, и желания, необходимости справиться с этим голодом и разрухой со стороны Советской власти – с другой, диктует необходимость на всем пространстве Советской России создание сильных, специально приспособленных органов борьбы, которые бы повсеместно в тесном контакте могли вести самую беспощадную борьбу со всеми врагами Советской власти» [1, л. 14]. Такими органами, согласно документу, должны были стать чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. С этой целью на 10 июня 1918 г. была назначена Всероссийская конференция всех существующих при областных и губернских Советах депутатов чрезвычайных комиссий. «Там, где таковых нет, – отмечалось в письме, – совдепы должны немедленно приступить к их организации».

Планировалось обсудить следующие вопросы: отчет ВЧК, выработка конструкции чрезвычайных комиссий, меры борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и очищения советских организаций от примазавшихся элементов, борьба с бандитизмом и контрреволюционной печатью, постановка разведки, делопроизводства и ведение дел, финансовые вопросы, организация вооруженных сил и информационной связи, создание печатного органа чрезвычайной комиссии [1, л. 14, 14об.]. Согласно постановлению Коллегии наркомата внутренних дел от 25 марта 1918 г. «...состоящие при местных Совдепах комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем должны являться подотделами административных отделов управления местных Совдепов». Данное положение констатировала телеграмма от 4 июня 1918 г., подписанная наркомом внутренних дел Г.И. Петровским [1, л. 9].

Днем основания Тверской ЧК следует считать 21 июня 1918 г.: Тверской исполком на своем заседании заслушал вопрос об организации Губчека, создал постоянный президиум и три отдела: по борьбе с контрреволюцией, по борьбе со спекуляцией и по борьбе с преступлениями по должности [2, с. 10]. Председателем являлся М.М. Михеев. Всего в Тверской ЧК работали 43 человека [3, л. 1, 1об.]. К концу 1918 г. состав комиссии практически полностью изменился [3, л. 3].

На первом запротоколированном заседании Ярославской губернской чрезвычайной комиссии (воссоздана после белогвардейского мятежа) присутствовали шесть человек. Заслушивались организационные вопросы, отчеты заведующих отделами, вопрос о введении военного положения. Вилкс, возглавивший отдел по борьбе с контрреволюцией, высказал мысль о необходимости его реорганизации, для чего нужны инструкции центра [4, л. 113]. На отчетный момент весь отдел работал с материалами белогвардейского мятежа. Вилкс отметил, что часть работы «взяла Москва и ведет дальнейшее следствие без связи с нами». Из-за отсутствия общего розыска мятежников, большинство арестов случайны. Причины бессистемности работы комиссии Вилкс видел прежде всего в отсутствии людей, «неправильном использовании имеющихся сил и в отсутствии разграничения в работе». Заведующий отделом по борьбе со спекуляцией Макарычев отметил, что работников, способных к розыску, и агентов мало. Связь поддерживалась только с военревкомом, который и направлял в комиссию дела. Александров высказал мысль о распределении обязанностей между членами ЧК, а задача председателя определялась как «общее направление работы комиссии». Порядок работы, по его мнению, также требовал корректировки: необходимы периодические заседания, контроль и руководство уездными комиссиями, иное делопроизводство, еженедельные письменные и ежедневные устные отчеты заведующих отделами. Обязанности между членами ЧК распределили следующим образом: Вилкс назначен помощником председателя и заведующим отделом по борьбе с контрреволюцией, Клочкова – секретарем, отдел по борьбе со спекуляцией возглавил Макарычев. Формирование отдела по борьбе с преступлениями по должности было временно отложено. Александрову и Клочковой поручили написание инструкций для отделов [4, л. 113об., 114]. Постепенно устранялись

недостатки, был налажен учет документов и личного состава Губчека.

Заседание Ярославской ЧК 21 августа 1918 г. посвящалось организационным вопросам, а также проблеме обеспечения комиссии военной силой. Для заседаний были установлены два дня – понедельник и пятница. Характеризуя имеющийся при ЧК отряд, Вилкс отметил наличие всего одной роты. Насчитывалось 52 человека в русском отряде и 27 латышских стрелков, всего – 79 человек. Констатировалась плохая его организация. В целях изменения существующего положения Александров предложил создать партийную ячейку и «в командиры провести коммуниста» [4, л. 116]. Был заслушан вопрос о расформировании конной милиции. Во время белогвардейского мятежа одна ее часть скрывалась, а другая открыто перешла на сторону мятежников. Макарычев подчеркнул ненадежность железнодорожной милиции, «30 человек которой сдали железнодорожный вокзал нескольким белогвардейцам» [4, л. 116об.].

В связи с тяжелой политической ситуацией 28 октября 1918 г. на заседании Ярославской ЧК принято решение о введении в комиссии военного положения. В соответствии с ним вводилось ночное дежурство членов комиссии, на улице устанавливался караул. 24 декабря принято решение о реорганизации Ярославской губернской чрезвычайной комиссии согласно новой инструкции ВЧК. Предполагалось соединить спекулятивный и контрреволюционный отделы в один общий – юридический, контрразведку переименовать в секретно-оперативный отдел (СОО), железнодорожный и иностранный отделы оставались без изменений. Юридический отдел возглавил Васильев, секретно-оперативный – Мигелевич, комендантский – А. Лебедев, железнодорожный – Костоправкин, иногородний отдел – Гусев [5, л. 9]. С декабря 1918 г. по декабрь 1919 г. ЧК возглавлял М. Лебедев. В первом докладе новой Губчека говорилось: «Вступив в исполнение своих обязанностей, комиссия нашла одно разбитое корыто на месте учреждения. Главное внимание пришлось направить на следственную часть, так как за комиссией числилось арестантских дел 654. За две недели разобрали 198 дел. В Коровницкой тюрьме находилось 2000 заключенных, на которых не было никаких дел, указывающих на сущность преступления» [6, с. 118]. 15 февраля 1919 г. принято решение о реорганизации транспортного железнодорожного отдела [5, л. 33]. Решением Ярославской ЧК от 25 февраля 1919 г. был организован особый отдел, который возглавил помощник заведующего СОО Иванов [5, л. 38].

Подробнее о начальном этапе деятельности Тверской ЧК можно узнать из отчета, адресованного Тверскому исполкому (1919 г.). Отмечалось, что в Твери процесс организации чрезвычайной комиссии был начат в мае 1918 г. На начальном этапе она

не могла работать плодотворно из-за «отсутствия надлежащих инструкций и распоряжений центра и неподготовленности работников на месте, которых, к тому же, не хватало» [7, л. 44]. Констатировалось, что исполком смотрел на комиссию как на «нечто сверхъестественное», причем «некоторые члены исполкома и до настоящего времени смотрят на комиссию как на нежелательное учреждение». Доказательством этого служит частая смена председателей (за год их было пять), перемещение президиума и заведующих отделами. Ликвидация 16 уездных ЧК вызвала перегруженность следственного отдела, в производстве которого насчитывалось более 900 дел (неоконченных дел, сданных уездными ЧК, – 849) [2, с. 84].

Такая ситуация была типична в целом для России. 16 октября 1918 г. ВЧК была вынуждена отреагировать на нее, обратившись ко всем губкомам партии в регионах. Политическая обстановка в стране оценивалась следующим образом: «За последнее время под слухом массового террора, который проводит всюду ЧК, обывательская масса, мелкая и крупная буржуазия завывала самым настоящим образом» [8, л. 17]. На фоне этих настроений, «под влиянием страха и воплей пострадавшей буржуазии, в целом ряде советских учреждений, среди отдельных советских работников и даже, что очень печально, среди отдельных членов нашей партии, начался поход против ЧК». Отмечалось, что во многих регионах ЧК стали подчинять отделам местного управления, назначать председателей комиссий. В некоторых губерниях развернулась соответствующая газетная кампания. ВЧК, не отрицая фактов беспорядка в некоторых комиссиях, считала необходимым усиление и укрепление ЧК. 2 сентября 1918 г. ЦИК принял постановление, в котором подчеркивалось: «Чрезвычайные комиссии суть органы центральной власти. ВЧК подчинены Совнаркому и ВЦИК, все местные ЧК подчинены ВЧК» [8, л. 18; 9, л. 17]. Последняя обращала внимание губернских комитетов партии на личный состав ЧК, главным образом, в уездах. Тверская Губчека в обращении к Осташковскому и окружному комитету партии 24 октября 1918 г. подчеркивала: «Уездные комиссии подчинены непосредственно губернской, переписка ведется исключительно с уездными комиссиями всегда секретно» [8, л. 20]. Тем не менее назначения в комиссии производились губкомом партии [8, л. 21].

В первое время существования Тверская ЧК, впрочем, как и все остальные, не получала средств из центра, пользовалась авансом от губисполкома, не было указаний о штатах и смете. Первоначально комиссия не была разделена на отделы, а в ее состав входили как коммунисты, так и левые эсеры, «разно понимающие задачи комиссии». В середине июля 1918 г. создан президиум и три отдела: по борьбе с контрреволюци-

ей, спекуляцией и с преступлениями по должности. Был сформирован батальон ЧК. Параллельно с этим были получены инструкции и разъяснения из центра. В конце июля «комиссия делается органом самостоятельным, вполне централизованным, подчиненным ВЧК». Особо отмечались разногласия между вновь созданными ЧК (в уездах и губернии) и некоторыми органами советской власти. «На Комиссию смотрели как бы на орган, вторгающийся в сферу деятельности Советской власти, не хотели признавать, что Чрезвычайная комиссия вправе разоблачать преступления и проступки всякого, какое бы ответственное место он ни занимал», — констатировалось в отчете. Недовольство вызывал факт неподчинения комиссии местным исполкомам. Зафиксирован вывод о том, что деятельность ЧК оправдала себя: «В Тверской губернии, если и возникали местные восстания, то все они быстро ликвидировались без особых жертв, что касается г. Твери, то тут даже не было и попыток к восстаниям» [7, л. 44об.]. Отмечалось изменение характера преступлений: если в начальный период «большинство дел было спекулятивных», то на момент отчета преобладали дела о преступлениях по должности. Велись дела о восстаниях в уездах, причем большинство назначенных наказаний — денежные штрафы и принудительные работы. Появившийся позже остальных следственный отдел «взял на себя все следственное дело, равномерно распределяя между следователями», последних было явно недостаточно. Ликвидация уездных ЧК существенно усложнила работу отдела, так как в его производстве оказалось более 900 дел. В зависимости от важности преступлений дела передавались в народный суд или в революционный трибунал. За время существования следственного отдела через него прошло 1225 дел, из которых 262 переданы в народный суд, 35 — в революционный трибунал, а 187 дел прекращено за недостатком улик [7, л. 46].

18 января 1919 г. был учрежден особый отдел. Председатель ЧК Виноградов оценивал работу отдела как удовлетворительную, особенно после привлечения опытного работника Вальтера, бывшего агента уголовного розыска. По мнению Виноградова, в целях повышения эффективности работы ЧК необходимо было организовать школу для подготовки работников в секретно-оперативный отдел, а также изменить «конструкцию отделов». Предлагалась следующая структура: президиум, секретно-оперативный отдел, юридический, финансовый, хозяйственный отделы, комендатура. 19 января 1919 г. Тверской губком партии утвердил председателем ЧК Долгирева, секретарем — Банка, членами коллегии — Кадзевича, Кушалова, Круповского [10, л. 17]. Персональный состав комиссии впоследствии постоянно менялся.

Деятельность Ярославской чрезвычайной комиссии была рассмотрена на заседании 25 марта 1919 г.,

на котором помимо членов комиссии присутствовали представители ВЧК Гольдин-Фундин и Шевкевич. В докладе Гольдина-Фундина дана оценка работы как комиссии в целом, так и каждого из ее отделов. По мнению представителей ВЧК, юридический отдел в общем успешно справляется со своей задачей. Однако «имение 589 нерассмотренных дел, из которых 530 относятся к упраздненным уездным ЧК, с одной стороны, указывает на бездействие прежней ЧК, с другой — неимение достаточного количества следователей тормозит ликвидацию этих дел» [5, л. 58]. Гольдин-Фундин обратил внимание на необходимость создания особого отдела, отметив, что далеко не все инициаторы и участники белогвардейского мятежа пойманы. Представитель особого отдела ВЧК Шевкевич указал на чрезвычайную важность организации такового при Яргубчека, «ввиду нахождения Штаба Округа, в котором много белогвардейцев» [5, л. 58об.]. Подчеркивалось, что отдел должен пополниться активными работниками, выделенными губкомом партии [9, л. 43]. В стадии формирования находился окружной транспортный отдел. Наиболее пристальное внимание проверяющие уделили работе секретно-оперативного отдела. Гольдин-Фундин, оценивая деятельность комиссии в целом, указал на оборонительную, а не наступательную тактику ее работы. Причину этого он видел в том, что «секретно-оперативная часть не имеет на местах, в уездах, активных секретных работников, которые предотвращали бы возможность таких выступлений» (имелись в виду Мышкинский и Тутаевский уезды). «Теперь, с упразднением уездных ЧК, необходимо иметь там свою власть и язык, который бы извещал ЧК», — указывал он [5, л. 58]. Председатель Ярославской чрезвычайной комиссии М. Лебедев высказал свою точку зрения. Сказав, что «от старой Комиссии все было принято в хаотичном порядке, не было ни следственного аппарата, ни контрразведки», он отметил: «С первых же дней пришлось максимум силы затратить для организации дела, главное внимание было обращено на следственную часть, где одних дел на заключенных было около 500» [5, л. 58об.]. К январю, по словам М. Лебедева, был создан следственный аппарат и разобрано 195 дел. Одновременно с этим шло формирование стрелкового полка. Не удалось завершить формирование особого, секретно-оперативного и транспортного отделов.

По мере накопления опыта организация работы ЧК претерпевала изменения. На заседании Яргубчека 30 мая 1919 г. было утверждено «Руководство для комиссаров» и решение о тройной регистрации входящих бумаг [11, л. 77]. Решено довести до сведения президиума ВЧК вопрос о желательности слияния отделов, а председателю комиссии Лебедеву поручили сделать соответствующее заявление на Всероссийской конференции в Москве [11, л. 77об.]. Ее итоги заслушаны на заседании 5 июня 1919 г. Начальнику особого

отдела было предложено «слить регистрационную часть с СОО, а также уничтожить хозяйственную и административную части, передав их соответствующим отделам Яргубчрезвычайкома» [11, л. 91].

Неудовлетворительная деятельность многих чрезвычайных комиссий была отмечена в приказе Ф. Дзержинского 21 марта 1919 г. Предлагались конкретные меры по активизации работы комиссий [10, л. 63]. Обращено внимание на работу железнодорожных ЧК (ЖЧК). Отмечая ценность бесперебойной работы транспорта, Дзержинский напоминал, что ЖЧК Советом обороны предоставлены широчайшие полномочия по борьбе (вплоть до расстрелов) «с провокаторами, хищниками, умышленными саботажниками». ЖЧК обязывались поддерживать тесную связь со своими окружными отделами и транспортным отделом ВЧК, сообщая обо всем, что происходит на участке. Надзор за деятельностью ЖЧК должны были осуществлять губернские чрезвычайные комиссии. Губчека, уездные ЧК и ЖЧК «обязаны выполнять беспрекословно и точно все циркуляры и предписания ВЧК, доносить об их исполнении, ибо за последнее время замечается игнорирование приказов ВЧК». Рекомендовалось использовать находящихся в уездах сотрудников ЖЧК, зачислив их сотрудниками Губчека, и они таким образом «сумеют свои права распространить не только на железную дорогу, но и на уезды» [10, л. 63об.]. В этом явно прослеживается заимствование опыта жандармско-полицейских управлений железных дорог царской России. При чрезвычайных комиссиях по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией формировались контрольно-ревизионные коллегии для борьбы «со всякими злоупотреблениями, чинимыми отдельными лицами, имеющими то или иное соприкосновение с комиссией и управлениями, входящими в состав ВЧК» [3, л. 73].

25 января 1919 г. ВЧК предписывала в 20-дневный срок упразднить уездные ЧК, причем отмечалось, что «в случае необходимости временно можете некоторые оставить при уведомлении ВЧК. Штат увеличьте до 100 человек работниками из уездов» [10, л. 49]. Такое решение не являлось случайным. Для многих уездных комиссий был характерен слабый кадровый состав. Деятельность таких «чекистов» во многом способствовала возникновению волнений среди населения, в том числе и крестьянских выступлений. Перед ликвидацией уездных ЧК был получен циркуляр, «в котором предлагалось всех, оказавшихся за бортом благодаря упразднению чрезвычайкомов сотрудников коммунистов и сочувствующих им, переводить на соответствующие должности в милицию, заменяя беспартийных» [12, л. 88]. Так, шесть сотрудников Мологской ЧК в Ярославской губернии были направлены в соответствующую милицию.

Вопрос о ликвидации уездных ЧК в Тверской губернии решался на заседании губисполкома 25 фев-

раля 1919 г. Было рассмотрено ходатайство Губчека об организации районных чрезвычайных комиссий в В. Волочке, Ржеве и Калязине. Представитель губкомпартии Чарный отметил: «Период острой нужды в ЧК миновал». В итоге постановили: «Ликвидацию уездных чрезвычайных комиссий считать необходимой и срочной».

Упразднение уездных ЧК вызвало реорганизацию Тверской Губчека, которая выразилась в ликвидации отделов по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. На их базе был создан секретно-оперативный отдел, «объединивший в себе чуть ли не всю первоначальную работу комиссии, которая распространялась на территорию всей губернии» [7, л. 46]. Его пополнили и работники ликвидированных уездных ЧК. Годом позже бюро Тверского губкома постановило: «Циркулярным письмом совершенно секретно вытребовать 45 человек из уездов в расширение Губчека» [13, л. 40].

Виню ключе шел процесс ликвидации уездных ЧК в Ярославской губернии. На заседании Ярославской губернской чрезвычайной комиссии 26 января 1919 г. в ответ на телеграмму ВЧК принято постановление следующего содержания: «Войти с ходатайством перед ВЧК об оставлении чрезвычайных комиссий в Рыбинске и Данилове; Рыбинск как промышленный город и узловой пункт, как железнодорожный, так и водный, стоявший на пути Бологое–Ярославль–Петроград; Данилов также как узловая станция» [5, л. 15]. Вскоре, 11 февраля 1919 г., Ярославский губком информировали: «Вопрос о Даниловской ЧК уже решен ВЧК и ВЦИК таким образом: уездные ЧК остаются только во всероссийском масштабе (Гомельская, Царицынская, Рыбинская)» [9, л. 36]. 11 апреля 1919 г. на заседании Яргубчека в должность председателя вступил избранный пленарным заседанием губисполкома Михаил Лебедев. Решено «просить Губернский комитет партии коммунистов о командировании одного из членов в состав Коллегии» [5, л. 70, 70об.]. В мае 1920 г. было принято решение о формировании кавалерийского отряда Яргубчека в 100 всадников [15, л. 180].

Своеобразной заменой уездных ЧК стали учрежденные при уездной милиции в феврале 1920 г. политические бюро (ПБ). На заседании Тверской Губчека была признана необходимой «замена начальников уездных милиций в порядке циркуляра Наркомата внутренних дел». В результате от занимаемых должностей отстранены четыре начальника уездной милиции, вместо них Губчека назначила новых руководителей. Тверская ЧК обратилась с просьбой к губкомпартии «о выделении работников из коммунистических организаций надежных, испытанных коммунистов для пополнения политбюро при уездной милиции в числе 5 человек, каковые будут распределены Губчека по уездам» [15, л. 2].

26 февраля состоялась конференция начальников уездных милиций. Докладчик Прохоров «ярко обри-

совал задачи политбюро, которые исключительно сводятся к политической работе – политическому сыску» [16, л. 5об.]. Отмечалось, что «дело борьбы политбюро с внутренней контрреволюцией принадлежит только последнему». Штат ПБ определялся следующим образом: заведующий ПБ (он же – помощник начальника милиции), уполномоченный (он же – информатор), секретарь, три секретных агента. Примечание гласило: в Бежецком, Осташковском, Вышневолоцком, Ржевском уездах должно быть по два уполномоченных и по пять секретных агентов [16, л. 6об.]. «Работники ПБ вербуются из самых лучших и испытанных партийных работников». Уездные комитеты партии должны были выделить соответствующих этим требованиям коммунистов. Об организации ПБ следовало тотчас же сообщить в Губчека, а «также сообщить количество завербованных секретных агентов для переброски в другой уезд» [15, л. 7; 16, л. 6].

Рассмотрим подробнее структуру, обеспеченность кадрами губернских чрезвычайных комиссий на примере Тверской ЧК (I половина 1922 г.). В состав комиссии входили: 1) общая часть (четыре отделения) – по штату положено 107 человек, фактически – 77; 2) секретно-оперативная часть (СОЧ) (восемь отделений) – по штату положено 187 человек, фактически – 85; 3) административно-организационная часть (два отделения) – соответственно 45 и 10 человек. Таким образом, всего по штату полагалось 340 человек, фактически же работало 172 человека (50,5%) [17, л. 20]. В подчинении Губчека находились четыре отдельных стрелковых батальона. ПБ подразделялись на две категории и существовали во всех уездах губернии, кроме Тверского. Политбюро первой категории были организованы в пяти уездах. Их штатная численность – 41 человек, фактически же было около 30 (73%). ПБ второй категории учреждены в шести уездах. По штату полагалось 25 работников, фактически в каждом бюро работало в среднем 18 человек (72%). В течение декабря произведено 52 ареста и 87 обысков. За означенный период заведено 243 следственных дела и 685 агентурных (из них закончено: следственных – 33, агентурных – 673) [17, л. 21об.].

Несмотря на недостаточную численность аппарата Губчека и ее подразделений, велась работа по аттестации сотрудников. Согласно приказу ВЧК от 1 декабря 1921 г. была создана специальная аттестационная комиссия. В результате проверки из 208 сотрудников 31 человек уволены как не соответствующие своему назначению, среди них три начальника отделений, уполномоченный и 27 человек хозяйственного состава [17, л. 20].

В Ярославской ЧК также прошла «чистка» рядов. Среди снятых и откомандированных – Байков (член коллегии, председатель революционного трибунала), Работнов (начальник первого отделения), Прянишников (секретарь СОЧ), Румянцев (начальник СОЧ).

Относительно последнего отмечено: «Перевести из ЧК, так как по своему классовому, а также духовному воспитанию для работы в ЧК, особенно на занимаемой должности, не подлежит». Были исключены из РКП как чуждые элементы, но оставлены на занимаемых должностях пять человек [18, л. 165].

Важнейшей в процессе формирования новых органов правопорядка являлась кадровая проблема. Согласно постановлению ВЧК работниками комиссии могли быть только коммунисты. Этот вопрос был поднят на заседании сотрудников-коммунистов Яргубчека 21 ноября 1918 г. В результате обсуждения принято предложение Грашмана: «Просить партию коммунистов дать политических работников, и, по мере возможности, непартийных увольнять». На этом же заседании принимается решение о создании фракции коммунистов в Губчека [9, л. 53; 19, л. 65, 65об.]. Ярославская чрезвычайная комиссия была озабочена вопросами укрепления кадрового состава. Весьма типичны обращения ЧК в губком партии (например от 26 декабря 1919 г.) следующего содержания: «Секретно-оперативный отдел при ЯргубЧК просит вас сделать надлежащее распоряжение в Тутаевский уездный комитет партии об откомандировании Билетникова в распоряжение секретно-оперативного отдела при ЯргубЧК как старого работника и опытного чекиста» [20, л. 10]. «Сильный недостаток в работниках» отмечала в своем докладе и Рыбинская ЧК. Просьба о мобилизации необходимых работников для ЧК была направлена в Губчека и губком партии. В свою очередь, партийные органы также просили Губчека о возвращении своих коллег, уже отработавших какое-то время в чрезвычайной комиссии [20, л. 136].

Как правило, большинство работников губернских ЧК не имели среднего и высшего образования, не говоря уже о специальном. В силу этого ВЧК озаботилась подготовкой чекистов и 15 сентября 1918 г. информировала об открытии в Москве инструкторских курсов: «Немедленно изберите двух товарищей для посылки на эти курсы, а списки избранных пришлите нам» [21, л. 143]. Весной 1921 г. губернские ЧК получили телеграмму следующего содержания: «Всем губкомпартии послать (на) вновь организуемые курсы ВЧК 5–6 коммунистов (от) каждой губернии (с) партийным стажем не менее года, прошедших райпартишколы, преданных партии, обладающих выдержкой, абсолютно ничем себя не скомпрометировавших, хорошо грамотных» [22, л. 34]. Отметим, что телеграмма, адресованная губернским ЧК, содержала обращение прежде всего к партийным органам, поскольку именно они формировали кадровый состав местных комиссий. У всех, направленных от Ярославской губернии, отмечалась слабая теоретическая подготовка [23, л. 2, 3].

С окончанием Гражданской войны работа ВЧК и ее органов на местах, как отмечалось в телеграмме (23 апреля 1921 г.), подписанной секретарем ЦК РКП

Молотовым, «приобретает еще большую важность». Подчеркивалось, что в связи с переходом Советской республики на хозяйственное строительство и ликвидацией внешних фронтов, «деятельность контрреволюционных партий направлена, главным образом, на взрыв изнутри, тормоз работы хозяйственных фронтов» [24, л. 1]. Декреты о свободе торговли также «могут повести к массовому загромождению транзитных путей, усилению взяточничества, кумовства». Этими особенностями политической обстановки диктовалась необходимость усиления войск ВЧК, железнодорожной и водной милиции.

Проблема кадрового обеспечения оставалась актуальной и в последующие годы. В телеграмме (1922 г.), подписанной секретарем ЦК РКП Куйбышевым и заместителем председателя ГПУ Уншлихтом, адресованной обкомам, губкомам и отделам ГПУ в регионах, отмечалось: «В целях выработки кадров умелых, тактичных работников органов ГПУ и стойких коммунистов созданы курсы ГПУ». К лицам, направляемым на 6-месячные курсы, предъявлялись определенные требования. Отмечалось, что многие, присланные на курсы годом раньше, им не соответствовали и «не могли успешно усвоить преподаваемые предметы» [25, л. 36].

Губернские партийные и исполнительные органы не только постоянно пополняли состав чрезвычайных комиссий, командируя из своих рядов, как правило, наиболее опытных коммунистов, но и контролировали качественный состав, выполняя требования ВЧК, которая 6 сентября 1918 г. обратилась к партийным комитетам с требованием «заняться выяснением политической платформы лиц, стоящих во главе Губернских чрезвычайных комиссий», ввиду ответственности работы в ЧК [20, л. 112]. Местные партийные органы, по мере возможности, направляли в чрезвычайные комиссии членов РКП [9, л. 9]. Региональные партийные органы контролировали деятельность чрезвычайных комиссий, заслушивая их отчеты, помимо которых практиковались совместные ревизии уездных ЧК [9, л. 11]. Серьезная кадровая проблема существовала в Ярославской чрезвычайной комиссии. О ней в своем выступлении на заседании 25 марта 1919 г. говорил председатель М. Лебедев. Так, организация особого отдела «за неимением другого лица, была поручена Иванову, который в связи со злоупотреблениями Рыбинского исполкома был командирован для работы в Рыбинскую ЧК, что также оттянуло формирование отдела» [5, л. 58об.]. Среди факторов, влияющих на кадровый состав ЧК, был уровень материальной обеспеченности ее работников.

Определяя губернские ЧК как «органы политической борьбы с буржуазными и антисоветскими политическими партиями», ВЧК телеграммой от 17 июня 1921 г. предписывала «опираться в своей повседневной борьбе на секретное осведомление».

Констатировалось, что при отсутствии секретно-осведомительного аппарата «отсутствует и Губчека, как политический орган данной губернии» [22, л. 84]. Телеграмма, подписанная В.Р. Менжинским, содержит подробную инструкцию по формированию осведомительного аппарата. Под личную ответственность председателям ЧК и руководителям секретных отделов предлагалось: во-первых, в трехдневный срок «выработать конкретные вербовки и насаждение секретного осведомления в недрах политических партий»; во-вторых, необходимо перегруппировать сотрудников Губчека таким образом, «чтобы они приносили максимальную пользу секретной работе»; в-третьих, «вербовка, насаждение и руководство осведомлением должно быть под личным руководством Предгубчека, начальника секретного отдела и уполномоченного по политическим партиям». В-четвертых, определялся качественный состав осведомителей, которые «должны вербоваться из рядов партии, а не из числа беспартийных». В-пятых, предлагалось стремиться не к количеству осведомителей, а к их качеству: «Достаточно будет 2–3 толковых осведомителя по той или иной партии, чтобы контролировать их действия». В-шестых, особо отмечалось, что «ни один из осведомителей не может быть принят кем бы то ни было из сотрудников ЧК без санкции Предчека и Завсекретотделом». Личность осведомителя подлежала проверке и должна «подтверждаться при возможности теми или иными данными, о чем немедленно сообщать на имя Начальника СО ВЧК». Ликвидации организаций, имеющих «крепкое осведомление», без санкции СО ВЧК не допускались, «за исключением случаев, не требующих отлагательства». Все ЧК, отмечалось далее, в трехмесячный срок «должны закончить организацию обзаведения у себя секретного осведомления по политическим партиям, согласно настоящему циркуляру». Руководители местных ЧК и завсекретотделами, не успевшие это сделать, «будут считаться бездеятельными». По истечении шести дней предгубчека должны были «прислать первый доклад о проделанной ими работе, второй доклад должен быть представлен не позднее 12 сентября 1920 г.» [22, л. 84].

Одним из источников изучения деятельности ПБ являются доклады уполномоченных. Уполномоченный по партиям Нерехтского ПБ И.П. Лебедев, докладывая о работе в период с 8 ноября 1921 г. по 15 января 1922 г., сообщал, что «за лицами, живущими в волостях, никакого наблюдения нет, но за живущими в городе имеется наблюдение» [26, л. 5]. Отмечая отсутствие работы секретного сотрудника, он свидетельствовал о том, что последний «за неимением теплого обмундирования никуда не ходит, для этой должности не способен». По мнению уполномоченного, надо найти «любителя и строго разбирающегося в важности выполняемой им работы». «Из местных

жителей найти трудно, да и нежелательно, – продолжал он, – город небольшой и все друг друга знают». Лебедев в своем докладе поднимал очень актуальный для того времени кадровый вопрос: «Необходимо отметить, что работать, не имея в этой области хорошей практики, очень трудно». Он обращается с просьбой выслать из Губчека опытного работника «на срок не менее месяца и поставить работу так, как она должна быть на самом деле» [26, л. 6, 6об.].

Система и принципы наблюдения за оппозиционными элементами отражены не только в общих сводках, но и в планах работы того или иного подразделения ЧК. Обратимся к плану работы Нерехтского ПБ на январь-март 1922 г. Уполномоченным по политическим партиям предписывалось «выяснить деятельность взятых на учет членов антисоветских партий, установив за ними наблюдение» [26, л. 7]. Проверке подлежали советские учреждения, организации и духовенство.

Особое внимание уделялось постановке агентуры. Предписывалось «создать группу эсеров из своих осведомителей (до революции такие методы работы считались провокацией и часто преследовались по закону. – М. Ч.), дабы тем самым выяснить, имеются ли и сколько в уезде» [26, л. 7]. Уполномоченные по осведомлению и агентуре были обязаны не только «поставить осведомителя во всех советских учреждениях, организациях, среди духовенства и учительства», но и завербовать таковых из членов антисоветских партий. Проверке «работы и личной жизни» подлежали все имеющиеся осведомители. «Всех неспособных – удалить», – особо отмечалось в документе. Корректировке подлежала и сама система сбора сведений. Предписывалось разбить уезд на районы, «в каждом районе поставить конспиративного помощника уполномоченного» [26, л. 7об.]. Последнему поручалось держать связь непосредственно с осведомителями. В качестве меры контроля над оппозиционным элементом предписывалось установить цензуру на почте.

Таким образом, самое пристальное внимание уделялось постановке агентурного наблюдения, качественному составу осведомительного аппарата. Наблюдением должны были быть охвачены по возможности все районы той или иной губернии, а также предприятия. На общем собрании фракции коммунистов Волжской вигонефабрики 24 апреля 1919 г. было решено, например, «учредить отдел политического дозора (политической разведки)» [27, л. 16].

В докладе Тверской ЧК губернскому исполкому (1919 г.) отмечалось: «Для большей координации и установления прочных связей и информации с местами отделом были откомандированы в каждый уезд по одному секретному сотруднику, которые имели тесную связь с уездными комитетами РСДРП и работали с ними в тесном контакте, продолжая сохранять

свою конспирацию». Всего таких сотрудников в уездах числилось 11 человек. В этом же отделе работали семь комиссаров для особых поручений. Оставшиеся 12 сотрудников «обслуживают город, который разбит на 5 районов, где также ведется наблюдение» [7, л. 46]. Сведения, поставляемые сотрудниками, тщательно анализировались. Некоторые из них сообщались соответствующим органам для принятия мер.

При СОО был создан регистрационный стол, «в котором ведется точная регистрация всех разыскиваемых лиц». Таковых в отделе было зарегистрировано 2055 человек (в период с февраля по 30 июля 1919 г.). Кроме этого имелись снимки провокаторов по Твери [7, л. 46об.]. В докладе говорилось: «За неимением работников с опытом развитие дела не представляется возможным поставить на должную высоту». Следовательно, органы ЧК и ОГПУ снова и снова сталкивались с проблемой кадрового обеспечения. «Работа осведомительного отделения страдает из-за недостатка работников. С осведомительным аппаратом не вполне хорошо, отсутствует конспиративная квартира, конспиративных уполномоченных имеется всего лишь 2 человека», – отмечалось в двухнедельной сводке Тверского ЧК за 1–15 октября 1921 г. [28, л. 76]. Тем не менее осведомительная сеть работала и являлась одним из основных источников получения сведений не только о политической и экономической ситуации в конкретной местности, но и о деятельности отдельных высокопоставленных лиц.

Осведомитель из Ржева сообщал, что в городе «имеется два представителя от ВЧК, фамилия первого Попов, другого выяснить не удалось», причем они, «занимая самые солидные посты там, совершенно бездействуют». Особо агент указывал на противоправную деятельность комиссара по продовольствию Голицына, «офицера старой армии, кулака, эксплуататора», который, производя «незаконные сборы продовольственных налогов с крестьян уезда, беря с некоторых за 1920 г., а с некоторых авансом за 1921 г., определенно провоцирует Советскую власть». Сообщалось, что «вполне самостоятельные люди уезда не вносят общего государственного налога, потому что дают взятки указанному Голицыну». В агентурной записке сообщалось также о готовящемся весной «грандиозном восстании крестьян нескольких уездов». Осведомитель отмечал наличие организационного комитета, который планомерно «распускает слухи, будто бы исполкомом принято решение вырезать 40 семейств в волости, на что имеется определенный приказ из центра, что готовится полное отобрание земли и инвентаря у крестьян» [28, л. 72].

Обратимся к докладу Костромского губернского отдела ОГПУ по партии меньшевиков за январь 1925 г. Документ не относится к рассматриваемому нами периоду. Но, на наш взгляд, в нем весьма четко прослеживается система наблюдения за анти-

советскими элементами, которая сформировалась на протяжении всех первых лет советской власти. В так называемую проработку попали пять человек: по Солигаличскому уезду – один («твердый»), по Костроме – четыре («бывшие»). Из последних завербован один осведомитель. Всего на «твердом учете» состояло девять, на учете «бывших» – 68 человек. Из них 26 были осведомителями, 32 человека опубликовали заявление в печати об отказе от своих убеждений. В целом, количество наблюдаемых составляло 77 человек. В докладе нашли отражение методы и способы деятельности местных органов ГПУ. Использовалась перлюстрация корреспонденции. Отмечалось, что среди рабочих местных предприятий «меньшевистского влияния не чувствуется». С удовлетворением констатировалось, что меньшевики «организованной связи между собой не имеют, настроение подавленное, и признаков возобновления работы не наблюдалось» [29, л. 386об.]. Сведения были получены «путем внутреннего и наружного наблюдения и перлюстрации корреспонденции». Особо подчеркивалось, что публикуемые в печати заявления меньшевиков «усугубляют неприязненность друг к другу».

Изменение политической и экономической ситуации в стране и за ее пределами вызвало реформирование органов государственной безопасности. Ярославская губернская ЧК в феврале 1922 г. была преобразована в политический отдел при губисполкоме (губернский отдел ГПУ), в 1923 г. – отдел ОГПУ. 21 февраля 1922 г. принято решение о ликвидации Тверской ЧК и организации отдела ГПУ [30]. Численность работников должна была уменьшиться с 340 до 138 человек [2, с. 15].

Советское государство, возникшее в октябре 1917 г., разумеется, не могло функционировать без специальных служб. Одним из первых его шагов в рамках государственного строительства стало создание ВЧК и ее органов на местах. Территориальные чрезвычайные комиссии первоначально были вынуждены действовать самостоятельно, без какой бы то ни было координации со стороны ВЧК. Политическая и экономическая ситуация, сложившаяся в России, самым непосредственным образом влияла на ее структуру, функции и задачи: росло число отделов, конкретизировались их задачи, совершенствовалась законодательная база и методы работы. Чрезвычайные условия определили соответствующие функции ВЧК. В рамках единого органа соединились

функции следствия и исполнения приговоров. Отсутствие основательной законодательной базы (свода законов) только усугубляло положение. Отдельные декреты не могли восполнить этот изъян. Элементами «чрезвычайщины» в полной мере можно назвать красный террор, систему заложничества, концлагерей и лагерей принудительных работ.

Отметим, что спецслужбы напрямую не входят в систему государственного управления. Первоначально (до марта 1918 г.) и ВЧК решала узкоспециальные, оперативные задачи. Позже она получила право издавать постановления, обязательные и для местных органов управления. В основном они касались вопросов обеспечения нового революционного порядка. Тем не менее ВЧК перестала быть собственно только спецслужбой. Так стал складываться особый вид функционирования соответствующих органов, характерный для СССР, – симбиоз органов государственного управления и специальных служб [31, с. 27]. Вскоре они не только вошли в систему госуправления, но и стали признанными носителями безопасности государства. Окончательно этот процесс завершился передачей соответствующим структурам межведомственных функций: контроль над определенными видами деятельности различных ведомств (выезд за границу, кадровые перестановки), применение мер административного воздействия, издание распоряжений, обязательных для исполнения органами управления.

Формы и методы деятельности ВЧК и ее органов на местах во многом представляли собой некий симбиоз дореволюционной системы борьбы с инакомыслием и новых способов оперативной работы в условиях борьбы с оппозицией и вооруженных выступлений врагов советской власти. Необходимо помнить, что история органов государственной безопасности – это концентрированная история российского государства, и здесь недопустим заведомо тенденциозный и односторонний подход. Спецслужбы всегда играли важнейшую роль в политической системе общества, под контролем которого они действовали. Государственно-правовой статус их должен быть четко определен, что, в свою очередь, не позволит использовать эти структуры в интересах какой-либо партии или личности.

Всегда надо знать, помнить, заботиться о лучших традициях в этой сфере политической деятельности, не забывая и об опасных уроках, выявляемых исторической наукой и реальной жизнью.

Библиографический список

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). – Ф. Р-291. – Оп. 1. – Д. 238а.
2. От ЧК до ФСБ // Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края. 1918–1998. – Тверь, 1998.
3. Тверской Центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 26.
4. Архив УФСБ по Ярославской области (Архив УФСБ ЯО). – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 2.
5. Архив УФСБ ЯО. – Ф. 35. – Оп. 2. – Д. 1.
6. Верой и правдой. ФСБ // ФСБ. Страницы истории. – Ярославль, 2001.
7. ГАТО. – Ф. Р-219. – Оп. 2. – Д. 379.

8. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 32.
9. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 82.
10. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 204.
11. Архив УФСБ ЯО. – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 3.
12. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 54.
13. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 445.
14. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 226.
15. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 437.
16. ГАТО. – Ф. Р-291. – Оп. 3. – Д. 62.
17. ГАТО. – Ф. Р-291. – Оп. 5. – Д. 57.
18. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 863.
19. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 74.
20. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 313.
21. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 58.
22. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. – 725.
23. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 620.
24. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 621.
25. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 16.
26. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 3.
27. ЦДНИЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 114.
28. ТЦДНИ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 735.
29. ЦДНИКО. – Ф. 3656. – Оп. 3. – Д. 13.
30. Архив УФСБ по Тверской области. Коллекция архивно-следственных дел.
31. Белая книга Российских спецслужб. – М., 1995.